

А. П. ЕВГЕНЬЕВА

О некоторых поэтических особенностях русского устного эпоса XVII—XIX вв. (постоянный эпитет)

Эпитет принадлежит к числу таких художественных средств языка, которые известны с древнейшей поры и с древнейшей поры вошли в „ретиорики“ и „питики“. Античные писатели дали характеристику эпитета, опираясь на свою художественную практику. На протяжении многовекового развития литературы изменялись и семантико-стилистические функции художественных средств языка. Хотя изменения в использовании эпитетов изредка отмечались учеными, но тем не менее понятие эпитета для отдельных эпох и многих жанров художественной литературы остается неясным и спорным. Особенно неясно оно по отношению к устной народной поэзии, так как никогда не ставился вопрос о реальной истории эпитета в устном творчестве по имеющимся записям. Статьи и отдельные замечания об эпитете в народном творчестве касаются, главным образом, былин, причем все статьи отмечают только одну особенность былинного эпитета — его „постоянство“ и никогда не ставят вопроса об исторических изменениях как самого жанра былины, так и его художественной системы.

Однако трудно представить, чтобы на протяжении многих веков своего существования былина оставалась совершенно неизменной. Настоящая работа посвящена частному вопросу — эпитетам русских былин и исторических песен в записях XVII—XIX вв. — и представляет собой попытку проследить исторические изменения в использовании эпитета, с одной стороны, а с другой — установить жанровые особенности его употребления в сравнении с другим видом устного творчества, также традиционным.

Многие поэтические средства представляют собой нарочитое, специфическое, отлившееся в систему использование той или иной языковой особенности или закономерности. Эти особенности могут относиться к различным сторонам языковой структуры (например использо-

вание уменьшительно-ласкательных суффиксов как особый поэтический прием в „причетах“, лирических песнях; синтаксический параллелизм, инверсии, тавтология, синонимия и т. д.). Использование закономерностей языка в качестве поэтических средств, акцентуация тех или иных из них с целью поэтической, художественной выразительности различна в разные исторические эпохи.

Грамматическое определение, атрибут, (выражающееся, главным образом, прилагательным) — одно из важнейших средств языка, при помощи которого передается богатство и многообразие „предметов“ и их признаков; средство, при помощи которого, с одной стороны, — можно типизировать, обобщать, указывать идеальные, общие признаки, с другой, — индивидуализировать, выделять тончайшие отличия, фиксировать временные признаки. И грамматическое определение с древнейшей поры было использовано как поэтическое средство, но поэтические функции определения изменялись в различные исторические эпохи потому, что они тесно связаны и определяются не только поэтические системой той или иной эпохи, но также историческим движением самой грамматической категории в структуре языка, отражающей определенную ступень в развитии сознания.

История прилагательного (оно, главным образом, и выступает в качестве определения), если брать ее в широком плане и во всем языке в целом, заключается не только в чрезвычайном количественном увеличении (количественно растут и другие категории речи), но также и в расширении возможностей производить, образовывать новые прилагательные. Изменилась и семантико-синтаксическая функция прилагательных в языке в целом; чрезвычайно расширилась роль прилагательных в образовании новых понятий (в сочетании их с существительными), в индивидуализации и выделении понятий, предметов из ряда им подобных или, наоборот, в обобщении, типизации их. Язык художественной литературы XIX—XX вв. обнаруживает богатство и своеобразие функций прилагательных-определений. В настоящее время это — богатейшая категория с очень разнообразной и сложной системой суффиксов для новообразований от существительных, глаголов, наречий. Разнообразна и богата также их семантико-синтаксическая роль: от такого индивидуального поэтического определения, которое выражает не признак предмета или понятия, а субъективное восприятие его автором в какой-то определенный момент (потому оно может по своей общей семантике даже противостоять определяемому существительному, например, „звонкозвучная тишина“ в стихах В. Я. Брюсова, сочетаясь с ним в редких, а иногда единичных случаях), — до таких соединений, где прилагательное ничего не прибавляет к смыслу существительного, является повторением того, что уже дано в существительном: светлая светлица, белый свет, или до таких, которые, соединяясь с существительным, образуют неразрывное сочетание, единое понятие („железная дорога“, „трамвайный парк“, „семантическое поле“ и т. п.). Семантические и стилистические

функции сочетаний прилагательных-определений с существительными многообразны, и число их значительно больше в настоящее время, чем в предшествующие эпохи. В отношении прилагательных, их состава, количества, их семантико-стилистической роли художественная литература средневековья глубоко и принципиально отличается от литературы нового времени.

В научной литературе нет определенного, ясного мнения о времени сложения былины как жанра, но можно с полной уверенностью говорить, что формы, известные нам по записям XIX в., определились не позднее XVI в. (вероятно, значительно раньше), так как записи былин XVII в. очень близки к записям XVIII—XIX вв. Таким образом, поэтическая система былин складывалась на основе иных художественных представлений по сравнению с XIX в.

Естественно возникает вопрос о степени сохранности отдельных деталей, а также поэтической системы в целом и об изменениях, которые в нее вносятся. Исследователи определяли художественные особенности былин, и в частности эпитет, противопоставляя их художественной системе литературы XIX в.

Чтобы выяснить расхождения и совпадения использования эпитета в былине, устном традиционном произведении, и в художественной литературе XIX в., бегло остановимся на роли эпитета в произведениях 40—60-х годов.

Литература XIX в., используя прилагательное-определение как художественный прием, подходит к нему иначе, чем в предыдущие эпохи, выдвигает на первый план новую стилистическую функцию, которая хотя и находится в теснейшей связи с развитием категории прилагательного, но определяется прежде всего отношением к окружающему миру. Бурный рост прилагательных в литературном языке обусловлен стремлением выразить окружающий мир в его разнообразных связях и отношениях, в движении, в его изменениях. Важными и существенными представляются не только „типические“, „общие“ признаки, но и изменчивые, частные, определяемые временем, движением, точкой зрения. И то, что в поэтической системе средневековья и классицизма XVIII в. рассматривалось как „прозаизм“, *epitheton necessarium* — „логическое определение“, в реалистической литературе XIX в. приобретает исключительную силу как художественное средство. Достаточно напомнить пейзажи и портреты в „Записках охотника“ И. С. Тургенева. Их художественная сила и прелесть достигается при помощи определений, которые отнюдь не могут быть включены в старое понятие „украшающего эпитета“. Напомним, например, пейзаж из рассказа „Касьян с Красивой-Мечи“: „*молодые отпрыски, еще не успевшие вытянуться выше аршина, окружали своими тонкими гладкими стебельками почерневшие низкие пни; круглые губчатые наросты, из которых вываривают трут, лепились к этим пням... Ноги беспрестанно путались и цеплялись в длинной траве, пресыщенной горячим солнцем; всюду рябило в гла-*

зах от *резкого металлического сверкания молодых красноватых листьев на деревьях...*“ и т. д.¹

„Недавно расчищенная дорожка“, „старые яблони“, „круглые бледно-зеленые кочаны капусты“, „высокие тычинки хмеля“, „бурые прутья“, „засохший горох“, „большие плоские тыквы“, „запыленные угловатые листья“, „высокая крапива“, „красноватая слизистая вода“, „толстые ракиты“, „старенький серый дом“ с „тесовой крышей“ и „кривым крыльцом“ — вот те поэтические краски, из которых создается художественный пейзаж в рассказе „Мой сосед Радилов“. Яркие портреты и интерьеры в романах и рассказах Л. Н. Толстого рисуются также при помощи определений, которые с точки зрения поэтики классицизма должны быть зачислены в категорию „логических определений“.

Реалистическая проза XIX в. широко пользуется прилагательными и причастиями, доводя количество определений при одном существительном до 4, даже до 6—7. „По ясному небу едва-едва неслись *высокие и редкие* облака, *изжелта-белые*, как весенний запоздалый снег, *плоские и продолговатые*, как опустившиеся паруса“.²

„*Старый, обширный, тянувшийся* позади дома сад, *выходивший* за село и потом *пропадавший* в поле, *заросший и заглохлый*, казалось один освежал эту обширную деревню...“³ „но у той (Элен) все освещалось *жизнерадостною, самодовольною, молодою, неизменною* улыбкой жизни и *необычайною, античною* красотой тела“,⁴ „...но этот страх мог относиться только к тому *умному* и вместе *робкому, наблюдательному и естественному* взгляду, *отличавшему* его от всех в этой гостиной“⁵ „... и *хорошенькая, румяная, слишком полная* по своей молодости, *маленькая княгиня Болконская*“.⁶

Употребление этих художественных определений покоится на совершенно иных принципах, чем те, которые лежат в характеристике, данной эпитету античными поэтиками. На равных основаниях, с одинаковой стилистической функцией используются прилагательные, выражающие идеальный признак предмета, высшую степень качества, и прилагательные, указывающие временные, редкие, индивидуальные признаки. „Прекрасное лицо“ Элен, „красивое лицо“ Бориса, „маленькие белые ручки“ князя Андрея, „беззаботная, веселая улыбка“ Пьера, „ясные голубые глаза“ Долохова, „быстрый бег“, „быстрые ножки“, „лучистый яркий блеск“ и т. д. и т. п. стоят в одном ряду с такими: „худое истощенное желтоватое лицо“ Билибина, „огромные красные руки“ Пьера, „равно-

¹ Записки охотника. СПб., 1911, стр. 119.

² И. С. Тургенев. Касьян с Красивой-Мечи. Записки охотника. СПб., 1911, стр. 118.

³ Н. В. Гоголь. Мертвые души. Собрание сочинений, т. V, СПб., 1900, стр. 111.

⁴ Л. Н. Толстой. Война и мир. Сочинения, т. V, М., 1911, стр. 19.

⁵ Там же, стр. 15.

⁶ Там же, стр. 17.

душные руки“, „глупая, притворная, не скрывающая своего притворства улыбка“ военного министра, „глубоко поставленные небольшие глаза“, „испуганная радость“, „отрицательные достоинства“, „горловой голос“, „решительный пьяный жест“, „сердитое белячье выражение красивого личика“¹ и т. п.

Художественная литература показывает, как исторически изменчива стилистическая функция определения. Следовательно, не только расширение, обогащение категории определений, развитие вариаций, но, прежде всего, изменение стилистической функции представляет собой историю эпитета или какого-нибудь иного художественного приема. Едва ли нужно подыскивать новые термины для художественного определения в разные эпохи и в различных литературных направлениях, целесообразнее оставить общий термин „эпитет“, различая его исторические изменения: античный эпитет, классический, романтический, реалистический и т. д.

1

По отношению к русской народной песне, к героическому устному эпосу ни у кого нет сомнений, что художественное определение в них представляет собой типический „украшающий эпитет“, характеризующийся постоянством употребления. Бесплезно излагать положения по этому поводу, ставшие трюизмами. Однако бесспорность этих положений не подкреплена достаточно широким материалом. Эпитет русского фольклора почти совсем не исследован и не описан, если не считать замечаний о нем в ряду других художественных приемов (у Ф. И. Буслаева, А. А. Потебни и др.) и нескольких статей общего и частного характера. Вопрос об особенностях эпитета устной поэзии, отличающих его от эпитета письменной литературы, требует, прежде всего, выяснения его стилистических функций в разных жанрах и в записях разных эпох.

Суждения об эпитетах русского устного творчества, сложившиеся в XIX в. и сохраняющиеся без изменений до сих пор, опирались на материалы, которые тогда были доступны. Это — Сборник Кирши Данилова в издании Калайдовича (1818 г.), отдельные публикации фольклора первой половины XIX в., а с 60-х и 70-х годов классические собрания П. Н. Рыбникова, А. Ф. Гильфердинга, П. В. Киреевского, т. е., в основном, былины и исторические песни.

Роль эпитета в различных жанрах устной поэзии не однородна. Есть произведения, в которых он совсем отсутствует, но для некоторых жанров эпитет является основным художественным средством.

Чтобы ярче выступили характерные особенности употребления эпитетов в произведениях данного жанра, необходимо сопоставить их

¹ Примеры взяты из I тома романа Л. Н. Толстого „Война и мир“ (Сочинения т. V, М., 1911).

применение в произведениях разных жанров. При таком сопоставлении всегда надо иметь в виду время и место записи. Для определения стилистической функции эпитета в русских былинах чрезвычайно удобным представляется сопоставление записей былин и причитаний П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга с записями тех же жанров у Е. В. Барсова, так как сделаны они в одно время (60—70-е годы) в одних и тех же местах, следовательно, в одной и той же традиции (записи былин, сделанные Е. В. Барсовым от И. А. Федосовой, и записи похоронных причетов у П. Н. Рыбникова подтверждают это).

Остановимся сначала на записях причитаний Е. В. Барсова и П. Н. Рыбникова.¹

Причитание, плач — произведение лирическое, по преимуществу. Олонецкие причитания, в особенности причитания И. А. Федосовой, лироэпические.² Специфической особенностью похоронных причитаний, несмотря на глубокую древность их происхождения, является отражение в них живой, современной плачу, действительности, хотя изображается она в традиционных формах. Даже самый беглый взгляд на причитания, собранные Е. В. Барсовым и П. Н. Рыбниковым, обнаруживает, что эпитет является в них основным поэтическим средством (то же самое и в более поздних записях Н. С. Шайжина, К. Ф. Филимонова, М. М. Михайлова — от Богдановой, Конихиной, Ланевой, Пашковой, сделанных в тех же местах), чего нельзя сказать о причитаниях белорусских, украинских, о „ленских причитаниях“, где положение несколько иное, так как и самые причитания отличаются от причитаний олонецких и северных. Но в данном случае мы вправе не принимать их во внимание, так как для сопоставления мы берем одну общую поэтическую традицию в одно и то же время, только проявляющуюся в разных жанрах.

Глубокое чувство горя, утраты, бессилие перед совершающимся, одиночество, брошенность, сознание ответственности за дальнейший жизненный путь вдовы и детей — все это с особенной силой выражается в причитаниях при помощи эпитетов. Они богаты, разнообразны, и количество их несравнимо по отношению к другим жанрам (за исключением причитаний „завоеванных“ и свадебных, в которых эпитет также выступает как основное поэтическое средство).

Самая яркая черта эпитетов устной поэзии — их „постоянство“.

¹ Для анализа привлекаются только похоронные плачи, так как они более традиционны, чем „завоеванные“.

² Совершенно закономерно в данном случае сопоставление причитаний И. А. Федосовой с былинами, хотя в литературе неоднократно высказывалось мнение, что плачи И. А. Федосовой стоят особняком (например в работе М. К. Азадовского: Ленские причитания. Чита, 1922, стр. 10 и сл.), но записи П. Н. Рыбникова, свадебные причитания в сборнике П. В. Шейна, в записях М. А. Колосова, П. Н. Рыбникова, А. А. Шахматова показывают, что, несмотря на исключительное дарование, И. А. Федосова создавала плачи в поэтической традиции своих мест

Постоянство эпитета, естественно, предполагает если не единичность употребления, то, во всяком случае, ограниченность сочетаний определения с определяемым — в этом именно и заключается постоянство. В качестве примеров постоянных эпитетов обычно приводятся: „красна девица“, „белы руки“, „чисто поле“, „сине море“, „мать — сыра земля“, „зелено вино“ и некоторые другие. Это, действительно, постоянные сочетания эпитета с его определяемым, они сохраняют свое постоянство во всех жанрах устного творчества. Но таких сочетаний немного, и они могут быть перечислены. В действительности же „постоянство“ эпитетов устной поэзии относительно.

В похоронных плачах вдовы по мужу главными темами являются горе утраты, тяжесть вдовьего положения, горечь и тяжесть сиротства предстоящее одиночество и т. д. Темы эти раскрываются в эпитетах, сопровождающих существительные, которые обозначают носителей темы. Вот несколько примеров. Существительное „дитя“, „дети“ имеет около 30 определений: сиротны, малы, милы, рожонные, бажонные, любезные, сердечные, возрошонные, обидные, несчастные, болезно, глупо, позябло, таланные, игривые, многоуходные, безуненные, беспокойные, хлопотливые, дурливые, гульливые, самовольные, большевытные, вольные, едучие, желанные, бедные, жадобные и т. п.

Вы не сгрустнитесь, желанные родители,
На позябло это глупо, мало дитяtko...¹

Не покиньте сироту вы горегорькую
Со сердечныма, малыма детушкам...²

Сиротать будут сиротны малы детушки...³

Как послушай ко, сердечное,
Рожоное, милое дитяtko...⁴

Вдовья жизнь — „жирушка“, „живленьцо“ характеризуется следующими эпитетами: бобыльная, сиротская, горегорькая, победная, маётная, сколотная, бедная, суетливая, несчастная, сиротна, несчастная, — в противоположность утраченной: веселой, прохладной, богатой, пространной и т. п.

На словах скажи ж спорядной мой суседушко,
Ты про мое про несчастное живленьцо,
Про бобыльнюю, сиротску мою жирушку...⁵

Будешь жить да без надежной как семеюшки
Во сколотной, во маётной этой жирушке...⁶

¹ Е. В. Барсов. Причитания Северного края, I. М., 1872, стр. 87.

² Там же, стр. 21.

³ Там же, стр. 17.

⁴ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, III, М., 1910, стр. 123.

⁵ Е. В. Барсов. Причитания Северного края, I. М., 1872, стр. 15.

⁶ Там же, стр. 24.

„Головушка“ (так называет себя лицо, понесшее утрату): буйная, бедна, победная, обидная, безрассудная, бесприютная, несчастная, бесталанная, безначальная, кручинная, многокручинная, печальная, молодая. „Головушка“ (умерший): надежная, многоумная, веселая, рассудная, удалая, разумная, милая и т. п.

Обумись моя *бессчастлива буйна голова*...¹

Не убоюсь *бедна, кручинная головушка*...²

Не обидьте вы *печальную головушку*...³

Я о том прошу, *победная головушка*...

Потеряла я, *беднушка,*

Многоумную, рассудную,

удалую головушку...⁴

Не только существительные, обозначающие конкретные понятия, непосредственно связанные с темой, имеют такое большое количество определений, но и отвлеченные понятия сопровождаются часто не меньшим количеством эпитетов. Например, существительное „слова“ имеет больше 20 определений: ласковые, прелестные, учтивые, обманные, хитрые, бранные, премудрые, несговорные, приветливые, мудрые, любимые, вдовиные, жадобные, тайные, непроносные, грубые, напрасные, обидные и т. д.

Воспромолви хоть единое словечушко,

Словцо тайное, непроносное,

Со мной да *спротиночкой!*⁵

Где оставила, *сердечное желаньице,*

*Свои ласковы, прелестныи словечушка?*⁶

Со мной *тайного словечка* не забает...⁷

Пройдет *бранное словечко несговорное*...⁸

Столько *грубыим словечком* не грубите-тко...⁹

Буду бить, бранить *сердечных* я вас детушек,

Обижать буду *словечушком обидным.*¹⁰

Штобы *господи* тебя да всё помиловал,

От *злого человека* от опасного,

От *бранного словечка* от *напрасного*...¹¹

¹ Там же, стр. 257.

² Там же, стр. 34.

³ Там же, стр. 32.

⁴ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, III. М., 1910, стр. 125.

⁵ Е. В. Барсов. Причитания Северного края, I. М., 1872, стр. 71.

⁶ Там же, стр. 62.

⁷ Там же, стр. 81.

⁸ Там же, стр. 82.

⁹ Там же, стр. 87.

¹⁰ Там же, стр. 186.

¹¹ Там же, стр. 17.

Некоторые эпитеты чаще сочетаются с существительными, другие — реже, но совершенно ясно, что при таком количестве художественных определений для одного существительного „постоянство“ эпитета понятия весьма относительное и требует особой характеристики.

Чрезвычайно важным является вопрос о стилистической функции этих эпитетов. Очень многие из них не подходят под характеристику, которая дана эпитетам устной поэзии, но в них нельзя также искать резко индивидуальных определений, фиксирующих неповторимость, единичность признаков, т. е. тех особенностей, которые характеризуют эпитеты письменной художественной литературы той же эпохи. И хотя многие из приведенных эпитетов довольно часто сочетаются с существительным, это не постоянство в буквальном смысле этого слова. Следует отметить, что даже при некотором постоянстве сочетания, эпитет далеко не всегда указывает типический признак — часто это будет частный признак. Явление, понятие выступает не в своей монолитности, целостности, а в многообразии. Именно, богатство и разнообразие признаков явления или богатство оттенков какой-нибудь стороны явления и раскрывается в эпитетах-определениях, поэтому у существительного может быть два, три и даже четыре определения.

Как поехали по *темному* Онегу *свирепому*
 На *милой* да *улыбчатой* сьемке.¹
 У нас то у *бедных* у *бесчастных* родителей
 Как разошлись да и *разъехались*
Милыи то баженныи детушки —
 Наши младши ясны соколы,
 По *чужой-то дальней ознобной* сторонушке...²
 Как весной живёт великое распутьице,
 Разольются *круглы, малыи* озерышки,
 Из-за гор да пройдут *быстры* эти риченьки;
 Мне нельзя *бедной* горющице пронятися,
 На *родимую* сторонку передатися;
 У озер нет *перегребных* *малых* лоточек,
 Через реченьку *дубовой* нет мостиночки...³
 Прибери да *неподвижной* *синей* камешек...⁴
 Тут я села на *катучий* *белый* камышек...⁵
 Нет проезду в *темных* *лесах дремучих*,
Почтовой, ямской, широкой нет дороженьки,
Столько малая единая тропиночка.⁶
 Укатилося великое желаньице
 Оно во *водушки* желанье во *глубокии*

1 Е. В. Барсов. Причитания Северного края, I. 1872, стр. 268.

2 Там же, стр. 269.

3 Там же, стр. 91.

4 Там же, стр. 14.

5 Там же, стр. 256.

6 Там же, стр. 142.

Во дики тёмныи леса да во дремучии.¹
 Возбуждать стану победна их головушка
 Я не ласковым словечком не прелестным:
 Беззаботны вы сердечны милы дитятки,
 На кого да, бедны детушки, надитесь?²
 Тайны, милыя, советны, дружны подружки...³

Эпитеты к слову „головушка“ (вдова) представляют собой, с одной стороны, ряд синонимов: бедная, победная, обидная, несчастная, бесталанная, кручинная, печальная, многокручинная, с другой, они фиксируют различные признаки вдовства: головушка — безначальная, бесприютная.

Эпитеты к существительному „слова“ раскрывают не только богатство сторон, признаков в самом понятии: мудрые, хитрые, обманные, бранные, грубые, учтивые, приветливые, ласковые, но и признаки, принесенные извне, дающие субъективную оценку: прелестные, любимые, жадобные, тайные, непроносные, обидные, напрасные.

Голос не только „громкий“, „зычный“, „звучный“, „взышон“, но и „тухлый“, „жалобный“, „жалкий“, „унылый“.

Для слова „тоска“ в причитаниях целый ряд синонимических эпитетов, передающих оттенки, степень, силу чувства: неугасимая, несносная, неудольная, злодийная, злая, обидная, тошная, великая.

Зла, несносная тоска неугасимая
 Всё долит мою несчастную утробушку.⁴

В причитаниях большую роль играют эмоциональные эпитеты. Их много, и они определяют не только переживания, чувства, но характеризуют субъективное восприятие окружающей действительности.

Лучше жить буду победная головушка
 Во своем я во строеньце унылом,
 На печальной кирпичной своей печеньке...⁵
 Тут я лягу на спокойну тёмну ноченьку,
 На унылую, тесовую кроваточку,
 На печальную, пуховую перинушку,
 На слезливо, круто складнее зголовьце;
 В добры люди я виду не даваю,
 Тёмну ноченьку слезами обливаюсь.⁶
 Ой, несчастное хоромное строеньце!⁶
 Супротив нашей страдомой хороминки
 Пекё солнышко теперь да не попрежнему.⁷

¹ Там же, стр. 61.

² Там же, стр. 181.

³ Там же, стр. 121.

⁴ Там же, стр. 63.

⁵ Там же, стр. 113.

⁶ Там же, стр. 229.

⁷ Там же, стр. 95.

В причитаниях довольно часты эпитеты, которые (если пользоваться терминологией В. М. Жирмунского) следует называть „индивидуальными художественными определениями“. Примером могут служить только-что процитированные, а также и целый ряд других: „счастливая таланная девушка“, „угрюмо место“, „ой, несчастны мои думы бесталанные“, „дырявая люльчѣнка“, „неражи пеленчѣнки розномокрые“, „кафтанишко стозаплатное“, „оцень длинная трава да выростала“, „горькая молодость“, „летняя трава подкошена“, „словольные, заботные хлебушки“, „беззаботны, сердечны милы дитятки“, и т. д. и т. п.

Эпитеты в причитаниях разнообразны и ярки, они служат не только выражению чувства, но раскрывают тему в конкретных, живых художественных деталях.

Часто „постоянные эпитеты“ сочетаются с более подвижными, и это соседство делает постоянные эпитеты семантически полновесными.

Предостерегая молодую вдову от „ошибок“ в ее „сиротском живленьце“ причитание говорит:

Не окинься, бедна вдовушка молодая,
Ты на этых на удалых, добрых молодцов,
На баску их молодецкую походочку,
На их цветно ты улярное на платьице,
Не окинься на басу-красу с угрожеством,
Не на желтши завивныи кудерышки,
На учливу, чваковиту поговорюшку,
Не прикинься к ихным ласковым словечушкам.
Живут ласковы словечушка обманчивы,
И прелестной разговор да их надсмечливой.¹
Сварядилася в путь широку дороженьку;
Не страшила лесов да я дремучих,
Не боялась я мхов да там дыбучих,
Не ужахнула я гор да всё высоких,
В тѣмных лесах зверей я не страшила...²

В приведенных отрывках все определения, независимо от „постоянства“, указывают на конкретные признаки, несущие в данном случае тематическую нагрузку. Это — лучшее доказательство совершенно иного отношения к эпитету, чем то, которое дано в его традиционной характеристике.

Система использования эпитетов в причитаниях очень сложна, так как в ней мы находим, с одной стороны, элементы нового отношения к старому художественному приему, проявляющегося в стремлении показать предметы и отношения в их многообразии, показать богатство оттенков и силу чувства, с другой — в причитаниях много примеров того

¹ Е. В. Барсов. Причитания Северного края, I. М., 1872, стр. 22.

² Там же, стр. 149.

отношения, которое уводит нас в далекое прошлое различных исторических эпох.

„Красное солнышко“, „часты звезды“, „мать — сыра земля“, „буйны ветры“, „белый свет“, „белый снег“, „сине море“, „чисто поле“, „быстры реченьки“, „дубовый стол“, „косивчато окошечко“, „стекольчаты околенки“, „золота казна“, „цветное платье“, „скатный жемчуг“, „сахарные кушанья“, „питьица медвяные“, „красна девица“, „буйная головушка“, „белы рученьки“, „резвы ноженьки“, „тело белое“ — будут встречаться на каждом шагу. Кроме этих и подобных им постоянных эпитетов, известных и в других жанрах фольклора, в причитаниях есть круг своих постоянных эпитетов: „колода белодубова“, „тонки белы саваны“, „скорая смерётушка“, „трудная постелюшка“, „законная, надёжная сдержавушка“, „умершая могилушка“, „спорядовые суседи“, „роспашисты полосушки“, „луговые поженки“ и т. п. Постоянные эпитеты, таким образом, сохраняются в причитаниях, и в некоторых случаях это постоянство настолько твёрдо, что другие определения, нужные воплощению, присоединяются к сочетанию постоянного эпитета с существительным, воспринимаемому как смысловое целое.

*Наглядитесь, мои несчастны,
Слезливыи очи ясны!*¹

*Тут раздумываюь обидна красна девушка.*²

*Уж я бедная, кручинная головушка
Быв упалой как зананой серой зайушко.*³

Постоянный эпитет устной поэзии нельзя рассматривать только как украшение, он делает предмет наглядным, указывает характеристический его признак. Это с большой яркостью выражается в причитаниях. Старый „постоянный эпитет“, иногда представляющий собой смысловую тавтологию (белый свет) или указывающий идеальный, желаемый признак, не утратил семантико-стилистической функции и является часто образцом, по которому создаются новые эпитеты.⁴ В „Причитаниях Северного края“ огромное количество, несомненно, поздних эпитетов (много эпитетов XVIII—XIX вв.), основой для создания которых послужили старые принципы: 1) подновление нарицательного значения, т. е. смысловая тавтология, 2) подчеркивание выдающегося качества предмета, 3) указание

¹ Там же, стр. 107.

² Там же, стр. 221.

³ Там же, стр. 42.

⁴ Постоянные эпитеты по времени возникновения чрезвычайно неоднородны. Среди них есть древнейший слой (например эпитеты, известные уже в „Слове о полку Игореве“: серый волк, сизый орел, чистое поле, стрелы каленые, синее море, лютый зверь, зеленая трава и т. д.) и эпитеты более поздние, например, палаты белокаменные, гравовитая палата, стекольчата околенка и т. д.

на идеальный, желаемый признак или на самую высокую степень признака.

Например: 1) луговые поженки, раскосистые луга сенокосные, распашистые полосушки, хоромное строеньеце, роженое дитятко, обидная обидушка, горюша горегорькая и т. д. и т. п.; 2) студеная, холодная зима; разливна красна вёснушка, перистый снежок, шумячие самовары, суевливая стряпня, хлебородные поля; 3) а) жемчужные подвесочки, раструбисты сарафаны, сарафаны новомодные, башмачки козловые, желтые завивные кудерышки; ясно, развеселое личико; вилки золоченые и т. п.; б) неугасимая, неудольная тоска, крепкая думушка и т. п.

Эти и подобные им эпитеты довольно часто сочетаются с тем или иным существительным, но постоянными эпитетами в буквальном смысле (т. е. такими, как сочетания: красна девица, сине море, мать-сыра земля, чисто поле и т. п.) их нельзя назвать, так как наряду с ними в сочетании с тем же существительным употребляются и другие эпитеты. В предмете или понятии вопленица видит не „один существенный признак“, а несколько, это, — во-первых, а во-вторых, она выделяет „существенный признак“ в зависимости от обстоятельств, от времени, и в этом случае „постоянство“ эпитета ограничивается темой и даже произведением. Так, в плаче „О потопших“: „малогребная, малая, утлая лоточка“, „напрасная смерть“, „непомерная погода“, „туча темна, неспособная“. В „Плаче об убитом громом и молнией“: „туча темна, грозна неспособная“ с „громом толкучим“, „свистучей молнией“, в „Плаче о жене“, если сирота ребенок, то о нем говорится: „болезно“, „позябло, мало дитятко“, „камышек неподвижный синий“ и „белый катучий“. Идеальные, желаемые признаки также оказываются разнообразными: „кашемировы“, „левантеровы“ — одинаково показатели высокой степени качества платков; „мелкоскладние“, „раструбисты“, „новомодные“ — сарафанов; „бриллиантовые“, „золотые“, „позолоченные“ — колечек и т. п. Свободное, а не постоянное сочетание прилагательного с существительным характеризует „причитания Северного края“, потому что чрезвычайное обилие различных художественных определений дает возможность самых разнообразных комбинаций и соединений.

Перед нами своеобразная картина, раскрывающая не только богатство, но и разнообразие эпитетов в причитаниях. Если пользоваться принятыми характеристиками эпитета, то мы должны будем сказать, что в причитаниях есть 1) постоянные эпитеты, т. е. определения безотносительные к положению данного момента, 2) эпитеты, постоянство которых относительно и определяется темой, 3) эпитеты украшающие и 4) индивидуальные поэтические определения. Поэтические краски в причитаниях черпаются из окружающей действительности, и несмотря на традиционность жанра, новое отношение к миру и, в соответствии с этим, новые задачи художественного выражения проявляются в поэтике плачей с большой силой и яркостью.

2

Существенное отличие былин, исторических песен, как особого жанра, заключается не только в их „эпичности“ (в противоположность „лиричности“ плачей), а также в том, что самое содержание былин должно препятствовать внесению в былинку элементов живой, конкретной действительности XIX в. (речь идет о записях А. Ф. Гильфердинга и П. Н. Рыбникова). Оценка, трактовка событий может изменяться, но фактическая сторона противостоит поздней действительности и ограждает (в значительной степени) былинку от ее вторжения. Если в былинах утрачивались древние детали, то замещение их могло происходить только до той поры, пока окружающая обстановка и отношения имели в своей основе общие черты с событиями и отношениями, послужившими материалом для создания былин. Герой былины — богатырь — вооружен луком со стрелами, мечом, саблей, копьём. Ружья, пушки появляются только в исторических песнях.

Отдельные анахронизмы (например „подзорная трубка“), представляют собой незначительные исключения и касаются, почти всегда, бытовых, побочных деталей.

Сопоставление былин в записях П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга с записями плачей Е. В. Барсова обнаруживает значительную разницу в составе эпитетов, в их стилистической роли. Удельный вес прилагательных-определений в предложении в былинах (по сравнению с причитаниями) значительно ниже; смысловой акцент падает, прежде всего, на глагол — сказуемое.

П. Д. Первов, автор статьи „Эпитеты в русских былинах“,¹ собравший обширный материал по записям А. Ф. Гильфердинга, П. Н. Рыбникова и П. В. Киреевского, приходит к выводу, что „область эпитетов довольно строго ограничена: они сопровождают почти исключительно предметные названия, особенно названия предметов осязаемых“.² В его классификации представлены следующие категории: 1) древнейшие или, как говорит П. Д. Первов, эпитеты „органические“, т. е. тавтологические, воспроизводящие „коренное древнейшее значение“ слова (белый свет), далее — 2) эпитеты, обозначающие цвет (зелена трава), 3) материал (булатная сабля), 4) чувственное отношение человека к предмету (милый, дорогой), 5) размеры предметов (широкий, высокий, глубокий) и далее категория, которую автор не определяет, но в ней перечисляет „более обычные эпитеты“ (частый дождь, тихое плесо, сладкий напиток и т. д.).

В этой чрезвычайно сбивчивой классификации самым существенным недостатком является семантический анализ эпитетов, безотносительно

¹ Филологические записки, Воронеж, 1901, №№ 1—VI.

² Там же, № I, стр. 2.

к их синтактико-стилистической функции. Существенное наблюдение П. Д. Первова, что эпитеты в былинах „сопровождают почти исключительно предметные названия“, получает у него следующее объяснение: „Отвлеченные понятия утратили свою образность, а эпитеты мыслимы лишь там, где название предмета вызывает реальный, живой образ“.¹ В качестве примера сохранившегося старого эпитета он дает „горе лютое“ и пишет: „называя горе лютым, народ представлял себе его в образе живого существа (lû-scindere, vellere — естественный эпитет волка, лат. — lupus, льва, литовск. — lutas)“.² Но весь строй былин, состав эпитетов, их сочетания с существительными, обнаруживают не то древнее отношение к окружающему миру, которое хочет видеть П. Д. Первов, а современное, основанное на мироощущении крестьянина XIX в., в котором от старых анимистических представлений почти ничего не осталось. В былинах нет метафорических эпитетов, за немногими исключениями, например, „сахарные уста“, где эпитет „сахарные“ несомненно, поздний, а отвлеченные понятия сопровождаются определениями, в которых проявляется не древнее, а современное сознание (горе лютое — почти единственный пример).

Слова — ласковые, речи — похвальные, молодецкие, игра, наигрыши — хорошенькие.³

В наблюдении П. Д. Первова, что эпитетами в былинах сопровождаются „исключительно предметные названия“, следует подчеркнуть, что характер „эпитетов“ очень своеобразен: это, прежде всего, указание на 1) материал, 2) цвет, 3) существенный признак предмета. Встречаются и другие виды определений-„эпитетов“: оценочные, эмоциональные и т. д. Преобладают прилагательные относительные и „качественно-относительные“ (по характеристике В. В. Виноградова).⁴ В качестве примера можно привести хотя бы то, что в былинах наличествуют прилагательные, указывающие все основные породы деревьев Средней России: дубовые и белодубовые — столы, скамьи, двери, доски, конюшни, коромысла, бочки и т. д. (это — наиболее часто встречающийся вид дерева), кленовые — двери, доски, коромысла, мосты, столы, скамеечки и т. д., а также калиновые, вязовые, липовые, сосновые, яровчатые, кипарисные, валжаные, осиновые. Из прилагательных, обозначающих металл, в былинах мы находим: золотой, позолоченный, серебряный, медный, булатный, железный, чугунный (последний — редко).

¹ Филологические записки, Воронеж, № I, стр. 2.

² Там же, стр. 3.

³ Например:

„А выслужил у ты хлеб-соль мягкую,
Да у ты еще слово гладкое,
Да еще уветливо да приветливо . . .

(Гильф., 241).

⁴ См. об этом ниже.

Очень часты в былинах прилагательные собственно относительные: княженецкий (княжеский), царский, крестьянский, дворянский, вдовиный, каличий, богатырский, молодецкий (два последних употребляются и в значении качественных прилагательных). Довольно значительна группа качественных прилагательных отглагольных: горючий, катучий, капучий, кипучий, валучий, толкучий, топучий, крыкучий, кыкучий, певучий, зыбучий, бродучий, поклевучий, подкупучий, стоячий, шумячий, ходячий и т. д., стоялый, езжалый, зяблый, переходный, переезжий и т. д., точеный, толченый, кованый, кормленый, званый, нежданый и т. п.

Этот своеобразный, очень конкретный по семантике, состав прилагательных, выступающих в роли эпитетов, выдвигает вопрос об истории эпитета в былине, хотя бы на протяжении доступной обозрению зафиксированной записями традиции (от начала XVII в. до наших дней), а также вопрос о том, какой принцип лежит в основании употребления эпитетов (1—повторение, подновление значения существительного; 2—выделение существенного признака; 3—указание на идеальный, желаемый признак или нечто другое).

Пока оставим записи XVII в. (к ним обратимся несколько позднее), а остановимся на Сборнике Кирши Данилова в сравнении его с записями А. Ф. Гильфердинга и П. Н. Рыбникова.

Количество прилагательных-определений, которые могут сочетаться с каким-нибудь существительным (имеющим одинаковую функцию в этих сборниках), значительно больше в записях А. Ф. Гильфердинга, и они гораздо разнообразнее, чем в Сборнике Кирши Данилова.¹ Несомненно, в Сборнике Кирши Данилова есть определения, которых совсем нет в известных нам записях XIX—XX вв., но это — единичные случаи, в которых речь идет о качествах и признаках предметов, вышедших из употребления, или эти определения представляют собой местный, диалектный вариант тех, которые имеются в более поздних записях, например: „баберековый камзол“, „грамота тарханная“, „дробные деньги“, „дороги увольные“, „бурнастая лиса“, „торженные усы“.

Абсолютное количество прилагательных-определений значительно выросло, если можно так сказать, за счет тех, которые характеризуют явления природы, бытовые детали, обстановку действия.

В Сборнике Кирши Данилова „море“ только „синее“, хотя в целом ряде сюжетов море имеет существенное значение (Соловей Будимирович, Садко, Василий Буслаев, Азов-город и т. п.), тогда как в „Онежских былинах“ А. Ф. Гильфердинга море: синее, славное, широкое, глубокое, славное синее, глубокое, синее солоное.²

¹ Такая же картина получается при сопоставлении Сборника Кирши Данилова с записями А. В. Маркова, А. Д. Григорьева („Беломорские быliny“, „Архангельские быliny“).

² В сборниках А. В. Маркова и А. Д. Григорьева существительное „море“ также имеет и другие эпитеты: солоное, черное, арапское, глубокое и т. д.

„Лес“, „леса“ в Сборнике Кирши Данилова — темные, брынские, в „Онежских былинах“ — темные, дремучие, стоячие, шумячие, мелкие, превысокий, сухой, жаровой (и в сочетании, мелкий шумячий, сухой жаровой — „Ай как силушки на чистом поли, | Ай как мелкого лесу да шумячего || Ай как знаменьев на чистом поли | Ай как будто сухого лесу жарового...“).

Горы — высокие, каменные (К. Д.);¹ высокие, превысокие, крутые, каменные, толкучие, сильные, претолстые (Гильф.).

Поле — чистое (К. Д.); чистое, великое, широкое, славное чистое (Гильф.).

Облака — отсутствуют в Сборнике Кирши Данилова, а у Гильфердинга встречаются часто и имеют следующие эпитеты: летучие, ходячие, черные, темные.²

Река — быстрая (К. Д.); быстрая, глубокая, мелкая, широкая, свирепая, кровавая (Гильф.).

Дуб — сырой, сырой кряковистый, зеленый кряковистый (К. Д.); сырой, старый сырой, кряковистый, широкий, столетний, сорочинский (Соловей-разбойник сидит „на двенадцати дубах да сорочинских“) (Гильф.).

Камень, встречающийся на пути богатыря (с надписью и без надписи), — горючий, белый; висячий большой („... на той Чюсовой реке на висячем большом камню“ — Ермак) (К. Д.); горючий, белый, серый, синь, великий, сыр-горюч, синь-горюч, горючий белый, серый угрюмый, катучий, валучий, белый (Гильф.).

Явления природы в „Онежских былинах“ получают более разнообразную характеристику, чем в Сборнике Кирши Данилова. Нельзя думать, что в записях А. Ф. Гильфердинга мы имеем дело с остатками более богатой и древней традиции, чем в былинах из Сборника Кирши Данилова. Этот вывод может быть сделан только в отношении единичных случаев, тем более, что приведенные примеры показывают, как крепко сохраняются старые традиционные определения: записи А. Ф. Гильфердинга всегда дают все встретившиеся в Сборнике Кирши Данилова эпитеты, а сверх этих еще ряд новых. Нельзя также предполагать, что обилие эпитетов — особая специфическая особенность поэтической школы Прионежья. Та же самая картина получается и при сопоставлении с записями А. Д. Григорьева, А. В. Маркова. Это — северная традиция, говоря в широком плане, в которую входят и записи в Сборнике Кирши Данилова. Сборники А. Д. Григорьева и А. В. Маркова по языку значительно „современнее“ сборников А. Ф. Гильфердинга и П. Н. Рыбникова. Новые эпитеты встречаются реже, чем „старые“ постоянные и очень часто присоединяются к этому старому традиционному эпитету, который иногда представляется почти неотделимым от существительного.

В „Онежских былинах“ встречается слово „озеро“, „озера“, которого нет в Сборнике Кирши Данилова. Если объяснять появление этого

¹ В дальнейшем пользуюсь сокращениями: К. Д. — Сборник Кирши Данилова, Гильф. — Онежские быliny А. Ф. Гильфердинга.

² Слово „гуча“ в Сборнике Кирши Данилова имеет только один эпитет — „грозная“, в сборнике А. Ф. Гильфердинга встречается значительно реже (всего несколько раз), чем слово „облака“, и имеет два эпитета: „темная“, „грозная“.

слова специфическими природными условиями Озерного края, то это не меняет положения дела. Слово „озера“ имеет следующие определения: широкие, глубокие, мелкие, большие (в „Причитаниях Северного края“ определений для слова „озеро“ гораздо больше; там мы находим: круглое, малое озерышко, синее, славное, тёмное, свирепое — Онего и Ладожско и т. д.).

Особенно резко возрастает количество определений в отношении к бытовым деталям, к обстановке.

Дорога — широкая, окольная, неближняя, прямоезжая, увольная (К. Д.); широкая, прямая, дальная, окольная, прямая неокольная, прямоезжая, прямохожая, проходящая, проезжая, путистая, большая, мерная, першпехтивная, почтовая, глиняная, широкая, тёрная (Гильф.).

Крыльцо, крылечко — красное (К. Д.); перёное, перинчато, точёное, красное, крутой красный (крылец), крутое, дубовое, белодубово, золочёное, переднее, парадное (королевское, царское) (Гильф.).

Сени — косящатые, решетчатые (К. Д.); новые, белые, решетчатые, косивчатые (и косерчатые), стекольчатые, нарядные, серебряные, челядинны, княженецкие (Гильф.).

Стол, столы — дубовые, белодубовы, убранные, круглый (дорог рыбий зуб) (К. Д.); дубовые, белодубовы, сыродубы, кленовый, золоченый, золот, большой, меньший, белый, круглый, задний, нижайший, окольные (Гильф.).

Стул — золот, ремешчатый (К. Д.); золот, золоченый, ремешчат (и ремешный) черешный, дубовый, бархатный (Гильф.).

Печь — муравленая, глиняная (К. Д.); муравленая, глиняная, кирпичная, каменная, земляная, изразцовая, хрустальная (Гильф.).

Ковюшня — белодубовая (К. Д.); белодубова, стоялая, дубовая, новая, великая, богатырская, княженецкая, кониная, лошадиная (Гильф.).

Мост, мосты (через реку, через топкое место);¹ (мост) — жив-калинов (К. Д.); (мосты) калиновые, кленовые, каленые, деревянные, сосновые, поддельные, фальшивые (Гильф.).²

Очень большое количество определений имеет слово „платье“, но не все они представляют собой эпитеты, тем не менее привожу их все, так как они показывают, по какой линии идет появление новых определений.

Платье — цветное, белое, черное, разноцветное, богатое, саксонское, опальное будто тюремное, посольское, богатырское, царское, каличье, женское (К. Д.); цветное, самоцветное, драгоценное, черное, тонкое, белое, красное, одноцветное, нецветное, опальное, печальное, отличное, лучшее, лосиное, звериное, дорожное, нищенское, старческое, мужское, женское, мужичье, богатырское, молодецкое, каличье, скоморошье (Гильф.).

¹ В былинах (северных) слово „мост“ имеет и другое значение: пол.

² Подделали мосточки поддильные.

В Сборнике Кирши Данилова нет слова одежда, „одежа“; в записях А. Ф. Гильфердинга часто встречается это слово и сопровождается следующими определениями: драгоценная, сменная, снарядная, хорошая, хорошенькая, распечальная, самолегкая, дорожная, сорочинская, липовая, стариковская.

Рубашка — белая, кисейная, красная (К. Д.); тонкая, белая, тонкая мягкая, миткальная, шелковая, красная, полотняная (Гильф.).

Шуба — соболиная, барсовая, переменная, долгополая (К. Д.); соболиная, кунья, енотовая, теплая, расхожая, купеческая (Гильф.).

Гусли — звончатые (К. Д.); яровчатые, звончатые, муравчатые, хрустальные, скомошьи, немедкие (Гильф.).

Шатры — белые, полотняные (К. Д.); белые, полотняные, белополотняные, (шатер) широкий белый, тонкий белый, шелковы, белодубовы, царский (Гильф.).

Можно продолжить перечень примеров, но картина будет одинакова.

Несомненно, особый интерес представляют определения к тем существительным, которые обозначают основные предметы и понятия для содержания былины: богатырь, его вооружение, бой.

Богатырь, богатыри обычно сопровождается двойным синонимическим эпитетом „сильные могучие“. Этот двойной эпитет мы находим и в записях XVII в. (в былине о Михаиле Потоке и в отрывке былины об Алеше Поповиче); иногда стоит один из этих эпитетов; кроме этого, очень часто стоит: „святорусский“, „русский“ в сочетании с одним из приведенных выше.

В сборнике Кирши Данилова: могучий, сильный могучий, святорусский могучий, русский могучий; в записях А. Ф. Гильфердинга: сильные, могучие, сильные могучие, святорусские, русские (богатыри), чудный, дивный, славный, государский, неверный, престрашный, порный (богатырь).

Верный друг богатыря, его конь, имеет очень большое количество определений.

Конь — добрый, наступчивый, богатырский, стоялый, сухопарый (бур космат — в сказуемом), (бурочко косматочко троелеточко) (К. Д.); добрый, наступчивый, косматый, богатырский, вороненый, рыжий, белый, карий, однокарий, бурый, златогривый, сивогривый, ученый, снарядный, крылатый, суший вещей, рыцарский, сменный, переменный, дедушков (малый шахманок, улетуник) (Гильф.).

Жеребец, жеребцы — похваленые, любимые, латынские, сив, кологрив, (полонян воронко) (К. Д.); вороной, сивогривый, кологривый, темнокарие, латынские, бухарские, хорошие, неученые, некладеные, нелегченые, неезженные (Гильф.).

Лошадь — хромая (К. Д.); добрая, вороненая, рыжая, пеганенькая, ежжальная халстаная, бережа, богатырская (Гильф.).

Приведенные примеры показывают, как резко увеличилось количество определений у существительных, обозначающих предметы обихода, быта. Несколько меньше оно в отношении к явлениям природы, но это понятно,

так как 1) по ходу действия они не имеют особого значения, и 2) даже в письменной, художественной литературе, будучи взяты в таком обобщенном виде, в каком они выступают в былине, явления природы не имеют и не могут иметь объективно большого количества определений. Рост определений идет по двум направлениям: во-первых, по линии выдвигания новых признаков, — кроме тех, которые имеются в традиции (печь — кирпичная, земляная, каменная, изразцовая; сапоги — козловые, одноличные, шелком таченые; столы — белые, окольные, задние, кленовые), во-вторых, по линии развития эпитетов украшающих, выражающих „идеальный, желаемый“ признак (в этом случае появляются такие сочетания, как „хрустальная печь“, „золотой“, „золоченый стол“, „серебряные сени“ и т. п. Но и эти, на первый взгляд, „сказочные“ эпитеты, имели реальные основания: достаточно представить себе обстановку не только царских и боярских дворцов, усадеб XVII—XVIII вв., но и дворянских усадеб XVIII—XIX вв., где были и золоченая мебель, и мраморные каминны с зеркалами и украшениями, и многое другое, что могло войти в устные произведения).

Растет количество определений, относящихся к предметам быта, обихода, и почти не увеличивается оно по отношению к тем предметам, которые вышли из употребления, но представляют неотъемлемую, обязательную часть в содержании былин. Так, предметы вооружения богатыря, его доспехи сохраняют старые определения, а иногда даже теряют их, поскольку реальное представление о предмете исчезает. Слово „доспехи“ имеет только одно определение — „крепкие“ и в Сборнике Кирши Данилова и в „Онежских былинах“.

Кольчуга — красна золта (К. Д.), золоченая (Гильф.).

Латы — булатные (К. Д.), железные (Гильф.).

Стрела — каленая, булатная, переная (К. Д.); калёная, ракитова, перьями орловыми сажоная, золоченая, расстрельчатая (Гильф.).

Чрезвычайное увеличение количества определений, сопровождающих существительное „конь“, идет не по линии раскрытия его особых качеств, присущих богатырскому коню, а, главным образом, за счет обозначения масти (белый, рыжий, карий, однокарий).

Число различных прилагательных-определений значительно выше в „Онежских былинах“ Гильфердинга, чем в Сборнике Кирши Данилова. Но это нельзя объяснить только объемом собрания Гильфердинга. Сборник Кирши Данилова содержит почти все основные сюжеты былин и исторических песен. Если же принять во внимание, что большая часть сюжетов развивается по общему плану (пир у князя, отъезд на подвиги, совершение подвигов, возвращение; или — приезд ко князю Владимиру, состязание или получение поручения от князя и т. д.), что главные детали плана часто представляют собой, если не в буквальном смысле общие места, то близкие к ним описания, придется дать только одно

объяснение: в традиционный текст включены новые определения. Приведенные выше примеры показывают, что рост их идет за счет бытовых деталей, явлений природы и почти не затрагивает предметы и понятия, не известные сказителю или ставшие архаическими. Следовательно и традиционный жанр — былина подчиняется той тенденции в поэтическом языке, которую мы отметили в плачах — показать мир в разнообразных его свойствах и качествах.

Новые эпитеты в сборнике А. Ф. Гильфердинга — новыми и прилагательными для языка в целом не являются. Почти все они, за единичными исключениями (почтовая, першпехтивная дорога, парадное крыльцо, поддельные фальшивые мосты) являются чрезвычайно древними не только по своему происхождению, но и по возможности и даже обязательности сочетания с теми же существительными, с которыми мы встречаем их в записях былин XIX—XX вв. Но их нет не только в записях фольклора XVII—XVIII вв., а и в письменной художественной литературе этих и более ранних эпох. Объясняется это жанровыми и стилистическими особенностями древней литературы, обусловленными в свою очередь эстетическими и идейными воззрениями эпохи. Но такие „прозаические“ документы, как описи имуществ, духовные, запродажные и т. п. обнаруживают чрезвычайное богатство прилагательных и возможностей их сочетаний с существительными. В них мы найдем не только все приведенные выше, но во много раз больше.

Крыльцо — переное, перинчатое, с болясами точеными; окна — красные, волоковые, двойные и т. д.; окончины — стекольчатые, слюдяные, слюдяные кубчатые, клинчатые и т. д.; крюки и пробои — луженые, белые, ревные и т. д.; столы — дубовые, сосновые, круглые, золоченые, расписанные красками, украшенные „рыбьим зубом“ и т. д.; стулья — бархатные, из золоченой кожи, дубовые, обиты красным сукном, триповые, золотые, кожаные и т. д.; печи — кирпичные, муравленые, изразчатые, ценинные¹ и т. д.

Особенно разнообразны и богаты прилагательными описания тканей, одежды, вооружения.

Бархат — рытый, двоёморхий, червчат, золотный, лазорев, турский, кизыбашский, венецицкий и т. д.; камка — бурская, кизыбашская, индейская, китайская, золотная, белозолотная, двуличная, полосатая, чешуйчатая, хрущатая, всевозможных цветов и узоров, имеющих свои определения; чрезвычайно много прилагательных, указывающих цвет ткани.

Предметы вооружения: сабля, стрелы, лук, копьё в описях имеют свои определения. Копья, ножи, сабли — „булатные“, „стальные“, они имеют всевозможные украшения. Вот несколько примеров из описей XVII в.

¹ И. Е. Забелин. Домашний быт русских царей. М., 1915.

„*Бархат турской золоткой морх червчет да зелен с серебром*“,¹ „*Ферези камка кизылбашская на сини розные шолки с золотом, мужички сидячие, образцы низаны на проем... кафтан камка бурская на бели шолк червчат зелен с золотом круги листье большое вострое, а другое листье косое*“,² „*Летник камка бурская на червце шолк бел лазорев зелен с золотом круги большие вострые около их бел шолк с лазоревым вошвы бархат венединцкой черн с золотом...*“, „*Летник камка бурская на серебряной земле черчат да жолт шолк копытца, вошвы бархат венединцкой зелен двоёморх с золотом и с петаями*“,³ „*чоботы сафьян синь с золотыми лисицами*“,⁴ „*чоботы сафьян светлогзелен с индрог*“,⁵ „*чоботы турские сафьян червчат шиты золотом да серебром, полмы старые*“,⁶ „*Копье черкаское булатное, тощое, наведено золотом, яблочко серебряно гладкое... Копье стальное плоское, остроконечное, оиненное, у замка трубка золочена; ратовище деревяное, оклеено кожей золоткою; цена полтора рубля*“,⁷ „*Нож бухарской булатен; черен волчей складной*“, „*нож стальной турской, саблю, с долом с кованым... черен кость волчья бела, устье медяно, оков раковинной*“,⁸

„*Хоромы ж двойня рублены из Муромского красного брусья в ус;... 6 окошек, в них рамы двойные; с одну сторону налешники липовые, с другую дубовые столярные, в них 12 окончин слюденых кубчатых, на них орлики оловянные золоченые, денежки оловянные; по три прута железных луженых;... 2 стола дубовых столярных; 3 скамьи сосновых; 2 печи ценинных круглых...*“⁹

„*Подклет под комнату по мере 3 сажень; три окошка, печь зеленая, мурамленая... Два чулана косящетые, а в чуланах 2 окна больших двойных*“,¹⁰

„*Кругом всех нижних хором перила на взрубях, по перилам поставлены боляски точеныя. Сени передняя, а в них 18 окон красных, да сени боковыя... Во всех середних житиях полы кирпичныя дубовыя*“,¹¹

„*Столовая, в ней семь окон двойных столярного дела; валячники и шпренгель писаны красками, в них окончины стекольчетые, у окончин петли и крюки луженые; лавки с опушки, два стола, скамья, четыре дюжины и два стула, обитые кожей золоченою; стол круглой росписан красками на китайское дело...*“¹²

„*Под хоромами государынь царевен больших три подклета... в подклете два окошка красных, три окошка волоковых, печь кирпичная... перед подклетом рундук рубленой оперен болясы точеными*“,¹³ „*Под столовую к подклетам рундук круглой о пяти степенях; перед подклетами мост, кругом его болясы, столбы точеныя... стол росписной... кресла золоченые обиты бархатом лимонным... 8 стулов нужных обиты красным сукном, стулов 206 коженых красных... кресла дубовые обиты китайским обоем гарусным, обложены позументом золотным*“,¹⁴

¹ Там же, стр. 633.

² Там же, стр. 854.

³ И. Е. Забелин. Домашний быт русских цариц. М., 1872, стр. 36—37 (материалы).

⁴ Он же. Домашний быт русских царей. М., 1915, стр. 851.

⁵ Там же, стр. 867.

⁶ Там же, стр. 860.

⁷ П. И. Савваитов. Описание старинных русских утварей... СПб., 1896, стр. 62.

⁸ Там же, стр. 85.

⁹ И. Е. Забелин. Домашний быт русских царей. (Опись Измайловского дворца 1683 г.). М., 1895 стр. 503—504.

¹⁰ Там же, стр. 488—489.

¹¹ Там же, стр. 490.

¹² Там же, стр. 459 (Опись Коломенского дворца).

¹³ Там же, стр. 473.

¹⁴ Там же, стр. 475—476.

Исследователи, останавливавшиеся на поэтических особенностях былин, опирались, главным образом, на записи XIX в. и Сборник Кирши Данилова, беря их в целом, и давали характеристику стилистических особенностей безотносительно ко времени записи или архаичности сюжета. Такое отношение возможно только при признании тезиса, что традиционные жанры устного поэтического творчества в отношении поэтических средств остаются неизменными со времени своего возникновения или изменения эти так незначительны, что на них можно не обращать внимания.

Отдельные замечания относительно изменения формы устных произведений изредка встречаются в литературе, но они представляют собой лишь фиксацию впечатлений, мнений, не развернутых и не подтвержденных материалами. Укажу хотя бы на замечание А. Х. Востокова по поводу народного стиха. Он пишет: „Народное стихосложение русское, т. е. склад песен, в новейшие времена начинает переменяться. Песни старинные, и те, кои сочинены в позднейшее время, распознать можно по разности стихосложения... Известно, что мы не имеем самых древних по сей части памятников. По крайней мере они дошли до нас не в первоначальном виде, бывши сохраняемы через долгое время одним только изустным преданием, которое поступает со вверенными ему сокровищами так, как обыватели с древними зданиями: поновляют, перестраивают, поправляют или портят их на свой лад; — на досаду знатокам и антиквариям, коих любопытный взор едва уже где может, сквозь новые обмазки, починки и переделки, читать на памятниках следы почтенной древности. Памятники слова человеческого, ежели переданы не на письме, а изустно, скорее еще изменяются и погибают, нежели произведения зодчества“.¹

Подобное замечание было сделано А. С. Орловым в статье „об особенностях формы воинских повестей“: „Вообще я думаю, — писал А. С. Орлов, — что устная поэзия значительно изменила свою оболочку за время от Слова о полку Игореве до «Задонщины» и от создания «Задонщины» до «Азовских сидений»“.²

Для исследователей конца XIX в., а тем более XX в. историческое изменение былин было одним из положений, которое служило основанием для восстановления первоначального их содержания, для объяснения анахронизмов в них (см. работы представителей исторической школы). Но эти изменения отмечаются только в отношении к содержанию былин, а поэтика былин представляется как нечто неизменное от момента возникновения жанра до наших дней; несмотря на отдельные замечания общего характера о том, что форма былин также изменялась, нет ни одной работы, в которой были бы указаны и объяснены эти изменения.

¹ А. Х. Востоков. Опыт о русском стихосложении. СПб., 1817, стр. 91—92.

² Чтения в ОИДР, М., 1902, стр. 131.

Статья А. Н. Веселовского „Из истории эпитета“, как и другие его работы по исторической поэтике, построена на чисто формалистическом сравнении употребления эпитета в различные исторические эпохи у разных народов, безотносительно к жанрам и семантико-стилистическим функциям в них эпитета, не может раскрыть его реальной истории.

П. Д. Первов, автор цитированной выше статьи „Эпитеты в русских былинах“,¹ теоретически пытается сочетать положения Ф. И. Гуслаева, А. А. Потебни и А. Н. Веселовского. Все эпитеты былин он разбивает на три категории: „Первичные, наиболее древние эпитеты воспроизводят и повторяют коренное, древнейшее значение данного наименования; они наглядно воспроизводят то, что уже заключено в корне слова, но со временем затемнилось, стало неясным. Вторую группу составляют эпитеты, указывающие на новый признак предмета, не отмеченный в его наименовании, но столь же характерный и специальный для него... Третью категорию составляют эпитеты *ognantia* в тесном смысле: здесь признак уже не связан с коренным значением слова“.² Эта классификация с одинаковым успехом может быть отнесена к любому жанру и устной и письменной поэзии и к языку в целом. Для характеристики эпитетов былин она ничего не дает.

Анализируя отдельные эпитеты, автор, путем сравнительной этимологии, восстанавливает древнейшее значение слова, которое ему нужно для доказательства древности его употребления в качестве эпитета, но это отнюдь не может служить доказательством древности происхождения былин как поэтического жанра, так как все „наиболее древние“ постоянные эпитеты (красна девица, сине море, чисто поле, серый волк и т. п.) встречаются во всех жанрах устной поэзии и во многих случаях в письменной средневековой литературе. Методологически в данном случае представляется не менее, а более важным проследить изменения явления сначала в определенных, конкретных, исторически ограниченных условиях в теснейшей связи с другими явлениями, составляющими определенную поэтическую систему жанра, в свою очередь исторически обусловленного.

3

Первые дошедшие до нас записи былин и исторических песен относятся к XVII в. Их немного, но они, тем не менее, дают ясное представление об эпической традиции в XVII в., так как записи эти сделаны в разных местах и разными людьми. Это четыре

¹ Филологические записки, Воронеж, 1901, вып. I—II, III, IV—V, VI.

² Там же, вып. I—II, стр. 1—2.

былины: ¹ „Сказание о киевских богатырях“ ² в копии первой половины XVII в., былина о Михаиле Потоке в записи конца XVII в., ³ отрывок былины о Ставре, записанный на столбце в середине XVII в., ⁴ и отрывок былины об Алеше и Тугарине в записи середины XVII в.; ⁵ четыре исторических песни: 1) о Скопине, 2) о возвращении Филарета Никитича в Москву, 3) набег крымского хана (песни, записанные для Ричарда Джемса в 1619—1620 гг.), 4) о Григории Огрепьеве (текст этой песни был опубликован П. А. Бессоновым в „Приложениях“ к 7-му выпуску „Песен, собранных П. В. Киреевским“ со ссылкой на то, что листок находится в бумагах К. Ф. Калайдовича).

В четырех текстах былин XVII в. мы находим почти все основные „постоянные“ эпитеты былин: „сильные могучие богатыри“, „ласковый князь Владимир“, „млад Алеша Попович“, „добры кони“, „зелено вино“, „меды сладкие“, „питье пьяное“, „море синее“, „чисто поле“, „сыра земля“, „лебедь белая“, „крепкий лук разрывчатый“, „калена стрела“, „вроstro копье“, „булатный нож“, „бел шатер“, „товары заморские“, „доски дубовые“, „пески желтые“, „сторожа крепкая“, „гусли звончатые“, „свечка серебряная“, „колючко позолоченое“, „грозен посол“, „красна девица“, „руки белые“, „уста сахарные“, „крепкие доспехи“, „палица булатная“, „перехожая калика“, „золота казна“, „черкасское седло“ и т. д. и т. п. ⁶

¹ „Сказание о молодде, коне, и сабле“, которое также причисляется к былинам, былинной не является: это эпическое стихотворное произведение другого жанра (Гос. Публ. библ. им. Салтыкова-Щедрина, Погод, 1772).

² В рукописном сборнике из собрания Е. В. Барсова (Гос. Ист. музей, Барс. 1463).

³ В рукописном сборнике Гос. Публ. библ. им. Салтыкова-Щедрина, Q. XVII. 44.

⁴ В собрании А. А. Пазухина, опубликован А. И. Соболевским. Известия ОРЯС, 1911, № 1 (где находится в настоящее время, неизвестно).

⁵ В собрании А. А. Маслова. См. Н. С. Тихонравов и В. Ф. Миллер. Русские былины старой и новой записи. М., 1894.

⁶ Чтобы иметь возможность сопоставлять особенности употребления эпитетов в текстах XVII в. с употреблением их в более поздних записях, приведу здесь из текстов XVII в. все сочетания прилагательных с существительными (за исключением отвлеченных от имен собственных: князь киевский, владыка черниговский и т. д.). В отрывке былины об Алеше Поповиче: „сильные, могучие богатыри“, „шутка тяжелая“, „шутка несвойская“, „ласковый князь Владимир“, „млад Алеша Попович“, „усердия доброва“, „лебедь белая“, „болван нетесанный“, „меду сладкого“, „корова обжорчива“. В былинe о Михаиле Потоке: „славный град“, „славный богатырь“, „сильные могучие богатыри“, „добры кони“, „братцы милые“, „море синее“, „лебедь белая“, „руки белые“, „уста сахарные“, „крепкий лук“, „калена стрела“, „красная девица“, „золота казна“, „сыра земля“, „чисто поле“, „зелено вино“, „меды сладкие“, „пески желтые“, „доски дубовые“, „вольный свет“, „змея лютая“, „бел шатер“, „сторожа крепкая“, „соседи ближние“, „смерть скорая“, „злая смерть“, „вести недобрые“, „камка белая“, „питье пьяное“, „злая жена“, „царь Кошей неверный“, „пированье великое“, „служба великая“, „люди многие“, „многие князи и бояры“, „войско безвинное“, „товары заморские“, „стена городова“, „мертвая жена“, „гробница каменная“, „отхожая горница“, „девка пощадская“, „богатырский двор“, „ружье богатырское“, „богатырь святорусский“.

Кроме этих сочетаний (они „постоянны“ в записях XIX—XX вв.), в текстах XVII в. есть значительное количество других, в которых прилагательные не могут быть названы постоянными эпитетами, так как сочетания эти встречаются редко или совсем не встречаются в поздних записях. Прилагательные в них, например: „мертвая жена“, „злая жена“, „вести недобрые“, „прямые неизменные вести“, „камка белая“, „камка венецкая“, „голуб скорлат“, „соседи ближние“, „войско безвиное“, „шутка тяжелая“, „шутка несвойская“, „стрела копейчатая“, „борцы умеющие“, „худые кони“, „отхожая горница“, „ножевое острие“ и т. д., указывают частный, временный признак, особенно важный по ходу действия, и служат резкому и категорическому выделению предмета из ряда ему подобных; встречаются сочетания, которые представляют собой термин, особое понятие: „посольский двор“, „пивной котел“, „мертвая вода“, „большая сажень“, „красное окно“, „калицкое платье“, „станные люди“, „великий князь“ и т. д.

Но дело не в том, вошли ли все эти сочетания прилагательных с существительными в поздние записи, т. е. являются ли они „постоянными“, а в том, какова семантическая и стилистическая функция прилагательных во всех этих сочетаниях в текстах XVII, XVIII, XIX, XX вв. „Постоянный эпитет“ характеризуется как эпитет украшающий.¹ В. М. Жирмунский в статье „К вопросу об эпитете“, суммируя результаты работ своих предшественников и намечая принципы новой классификации, считает не подлежащим сомнению, что „постоянный эпитет

„земля святорусская“, „чужая жена“, „человеческий голос“, „мертвая и живая вода“, „великий князь“. В бытливом Ставре: „грозен посол молод Василий Иванович“, „посольская палата“, „посольский двор“, „посольское место“, „посольские хоромы“, „посольское платье“, „государев двор“, „палата государева“, „борцы умеющие“, „крепкий лук разрывчатый“, „булатный нож“, „востро копьё“, „калена стрела копейчатая“, „гусли звончатые“, „руки белые“, „сваечка серебряная“, „колючко позолоченное“, „потеха молодецкая“, „платье дороженное“, „сбруя богатырская“, „жеребцы, кони латынские“, „робячья игра“. В „Сказании о киевских богатырях“: „белая палица“, „белый шелк“, „благочестивый царь Константин, царица Елена“, „богатырский голос, служба, сбруя, лошади, сряды“, „большая сажень“, „булатное копьё, пряжи, палицы“, „великая хлеб-соль, срамота, похвала, слава, сила, пагуба, выслуга, радость“, „венецкая камка“, „вольный человек“, „вострое копьё“, „вязовая палица“, „голубой скорлат“, „государева чаша, двор“, „грозный богатырь“, „громкий голос“, „добрые кони, слава, язык“, „золотые чеши“, „злаченные пуговицы“, „злые полки татарские“, „калицкое платье“, „калицкие гласы“, „красное окно“, „красный перепускной булат“, „красное золото“, „крепкие доспеки“, „молод Алеша Попович“, „млад Тугарин“, „милая братия“, „недобрый богатырь“, „прямые неизменные вести“, „несметная казна“, „перехожая калка“, „пивной котел“, „поганая сила татарская“, „русский богатырь“, „камень самоцветный пламень“, „светлое платье“, „серебряная цепь“, „серая свита“, „скорлатная гуня“, „славный богатырь“, „станные люди“, „стольный славный Киев град“, „татарская голова, полки, сила, речи“, „удальи молодец, богатырь, лошади“, „худые кони“, „царев двор, палата“, „черный волос“, „черкасское седло“, „четий жемчуг“, „чистое поле“.

¹ См., например, статью В. М. Жирмунского, где сделана попытка на более ограниченном исторически материале дать характеристику эпитета (Сб. „Памяти Сакулина“, М., 1931).

гомеровского эпоса или русской былины есть украшающий эпитет". Этим самым утверждается тезис, что характерной чертой поэтики русской былины является стремление к украшению (поскольку постоянные эпитеты играют в ней очень важную роль). Это, в свою очередь, как будто гармонирует с другой поэтической особенностью былины — гиперболизацией. Герой былины, богатырь, обладает исключительными качествами, все его поступки, все предметы, всё окружающее его должно проявляться в высочайших степенях качеств и идеальных признаках.

Стилистическая функция постоянного эпитета заключается, таким образом, в том, что в нем с особенной силой должен проявляться тот общий идеальный, „праздничный“ план, в котором ведется, по мнению исследователей, эпическое повествование. Роль эпитета в развитии действия чрезвычайно незначительна, он — „украшает“ определяемый предмет, а иногда даже превращается в словесное украшение, так как логически не может сочетаться с существительным. Этот вывод естественно вытекает из характеристики постоянного эпитета, данной на основе записей XIX—XX вв., к которым исследователь подходит с точки зрения норм современной ему художественной литературы.

Ай не пьют да не кушают,
 Белой лебеди да не рушают,
 А сидят, повешены буйныя головушки
 Ай пониже своих плеч могучих
 Ай притуплены очушки ясны в кирпичный пол.

(Гильф. 400).

Эпитеты в сочетаниях „белая лебедь“, „кирпичный пол“ отнюдь не обусловлены описываемой картиной, развитием действия былины. Почему же они сопровождают эти существительные?

Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к текстам XVII в., т. е. к наиболее древним из имеющихся у нас записей.

Несмотря на то, что в четырех небольших текстах XVII в. мы встречаем многие из тех прилагательных, которые хорошо известны как постоянные эпитеты записей XIX—XX вв., стилистическая и семантическая функция их несколько иная, по сравнению с записями XVIII и в особенности XIX, XX вв. Значительно выше их смысловая роль в развитии содержания былины, „постоянство“ многих из них относительно: они не обязательно сопровождают то или иное существительное, а присоединяются к нему в зависимости от хода действия; целый ряд прилагательных, воспринимаемых нами в текстах XIX—XX вв. как эпитеты украшающие, в текстах XVII в. таковыми не являются. Например, былина о Михаиле Потоке (текст XVII в.) рассказывает, как Поток уехал „в чисто поле тешитца“, а „без него пришел купчина Золотой Орды с тавары заморскими“, об этом узнала жена Потока „я пошла Михайлова жена смотреть товаров заморских“. Пораженный ее красотой, „купчина“ возвращается в Орду и рассказывает Коцею: „сколько де я ни еживал по иным землям купчиною, а такой

прекрасной не выдвигал...“ Определение „заморские“ в данном случае имеет узкое, совершенно конкретное значение, и с точки зрения традиционной поэтики эпитетом не является, это — логическое определение, здесь „заморские товары“ — одна из деталей, двигающих действие.¹

В былинах о Ставре Годиновиче одной из важнейших перипетий является состязание жены Ставра с воинами Владимира в борьбе и в меткости стрельбы. Текст XVII в. детально изображает состязание в стрельбе. На вопрос князя Владимира: „горазд ли ты из лука стрелять?“ — „грозен посол“ (жена Ставра) отвечает: „Горазд я стреляю из крепкова лука разрывчата — убью я в ножевой острей...“

Князь Владимир велел воткнуть в столп буладной нож
велел принести ис казны
крепкой лук разрывчатою
и колену стрелу копейчату...

„Грозен посол“ Натсгаваает крепкой лук,
накладаваает колену стрелу
и бьет он в буладной нож.
И пришла колена стрела в буладной нож
И расколола остро копье на двое:
Ни одна половина половины не болши.
И бьет он челом князю Владимиру
Своею потехою молодецкою.²

„Потеха молодецкая“ — технический термин, обозначающий спортивное воинское, богатырское состязание. В этом трудном состязании есть обязательные условия: только „булатный“ (из стали особой закалки) нож может расколоть „калену“ стрелу; огромное значение имеет сила удара, следовательно необходим „крепкий лук разрывчатый“. Сложность задачи заключается еще и в том, что надо „расколоть“ пополам стрелу „копейчату“, т. е. оканчивающуюся копьездом, а не шишечкой или лопаточкой.³

Таким образом и здесь, как и в предыдущих случаях, определения указывают на частные, временные признаки, которые обусловлены содержанием былины и двигают ее действие. В награду князь Владимир предлагает „грозну послу“ „сбрую богатырскую и платье дорогоценное

¹ В Сборнике Кирши Данилова в некоторых текстах тоже раскрывается реальное значение определения „заморские товары“ (напр. стр. 26, стр. 45), так как оно представляет деталь в развитии действия былины.

² Известия ОРЯС, т. XVI, кн. 1, СПб., 1911, стр. 3.

³ См., например: П. И. Савваитов. Описание старинных русских утварей... СПб., 1897, стр. 131—132; И. Е. Забелин. Домашний быт дарей и дарид. II гр., М., 1915, стр. 588—590. — Стрелы были разнообразны: одни оканчивались копьездом, другие — костяной или каменной шишечкой, третьи — заостренной лопаточкой, и т. д.

и *кони латыньския*“, но „грозен посол“ от всего этого отказывается и просит „игреца, который бы горазд в гусьли играть“. ¹ Прилагательные „дорогоценное“, „латыньские“, хотя и обозначают „идеальный, желаемый признак“ (збруя богатырская — единое понятие, технический термин, обозначающий доспехи, вооружение), но они несут большую смысловую нагрузку и поставлены так, что указывают частный признак, важный по ходу действия былины. В текстах XVII в. большая часть прилагательных свободно перемещается и сочетается с различными существительными, многие из них имеют единичное употребление.

В небольшом отрывке XVII в. былины об Алеше и Тугарине содержится описание пира у Владимира, где происходит столкновение Алеси с Тугарином. Вот несколько стихов из этого описания:

Что взговорит чашник фрязин Матвей Петрович:
 Ой еси ты млад Алеша Попович,
 Не шути ты *шуткою несвойскою*
 Нат Тугарином Змеевичем,
 Тугарин Змеевич *усердия добрая*
 Не любит *шутки тяжелыя*²

В былине о Михаиле Потоке эпизод о смерти жены излагается так:

А Михаила побивъ силу
 и едет х Киеву наскоре,
 скачет через *стѣну горадавую*
 и становитца на свой *богатырской двор*.
 И ништо ево не встречает,
 и за *руки* не примаеть,
 и во *уста* не цалуеть,
 встречают ево *люди дворовыя*,
 сказывают *вѣсти недобрыя*,
 что жена ево переставилас.

 и приходит в *отхожую горницу*,
 где жила жена ево.
 Ажно лежить мертва жена ево
 покрыта *камкою белою*.³

В этом отрывке все прилагательные несут большую смысловую нагрузку и указывают частные, существенные признаки, важные и нужные по ходу действия (обратим внимание на то, что существительные

¹ Известия ОРЯС, т. XVI, кн. 1, СПб., 1911, стр. 3.

² Н. С. Тихонравов и В. Ф. Миллер. Русские былины старой и новой записи. М., 1894, стр. 59.

³ Там же, стр. 29; рукопись Гос. Публ. библ. им. Салтыкова-Щедрина, Q. XVII. 44, лл. 146 об. — 147.

„руки“, „уста“ стоят здесь без эпитетов). Таковую же картину в отношении употребления прилагательных дает и „Сказание о киевских богатырях“. Например, в нем значительную роль играет эпизод с похищением коней, и слова: „лошадь“, „конь“ имеют несколько различных определений на протяжении нескольких стихов: „царские лошади“, „богатырские лошади“, „простые лошади“. Когда речь идет о силе богатырского свиста и голоса, „добрые кони“ составляют с „худыми“:

свиснули крикнули богатыри богатырским голосом,
от свисту и от крику
лес розсытилаетца,
трава постилаетца,
добрыя кони на окарашки падают,
худыя кони и живы не бывали.¹

„Сказание о киевских богатырях“ в списке первой половины XVII в. представляет собой копию с более ранней записи. Несмотря на то, что это наименее совершенная запись среди текстов XVII в., в ней прекрасно сохранились общие места и наиболее типические для былин части: отправление на подвиги, сборы и седлание коней, встречи с каликами и богатырями, характеристика врагов, описание боя, пира и т. п., например:

Учали на них (на коней) класти *седла черкасские*,
подтягивают подпруги *шелку бѣлово*,
у всѣх *пряжи булатные красного булату перепускнаго*,
да кладут на себя *доспехи крѣпкия*,
емлют с собою *палицы булатныя*
того *булату перепускнаго*
и всю свою *збрую богатырскую*...²

Процитированный отрывок стоит очень близко к записям XIX—XX вв., и все прилагательные, за исключением двух в сочетании „красного булату перепускнаго“ (представляющем собой определенное понятие — „технический термин“), являются „постоянными эпитетами“ поздних записей.

Прилагательные в сочетаниях: „черкасские седла“, „булатные или серебряные пряжки“, „крепкие доспехи“, „булатная палица“, „богатырская збруя“ трактуются обычно как эпитеты, указывающие идеальный, желаемый признак. Это правильно (до известной степени) определяет семантико-стилистическую функцию их в записях XIX—XX и даже отчасти XVIII в., так как образ богатыря, побивающего целые войска врагов, обладающего непомерной, огромной силой, в течение веков получивший обобщенные, типические черты, определяет и характер кон-

¹ П. К. Сямоги. Памятники старинного русского языка и словесности, вып. I. Пгр., 1922, стр. 32.

² Там же, стр. 6—7.

кретных деталей, с ним связанных. Реалистические (для XVII в. и более ранней поры) детали переосмыслиются на основе отношения к богатырю, переводятся в „идеальный“ план, становятся показателями высшего качества предмета, прилагательные относительные переходят в категорию качественных, получают значение оценочных. „Збруя богатырская“ — в новых записях былины не та, которая вообще полагается богатырю, воину (т. е. доспехи, вооружение, в отличие от „збруи слесарской, токарной, столярной—орудий ремесленников“¹⁾, а самая лучшая, какую себе можно представить—достойная богатыря. Этому в чрезвычайной степени способствует то, что для XIX—XX вв. (и даже для XVIII в.) утрачена живая связь с реалиями, изображенными в былинах. Не только герои и их отношения, но и предметы, многие стороны быта живут уже только в сознании, а не в окружающей осязаемой действительности, поэтому происходит некоторое переосмысление текста.

Иначе обстоит дело в XVI—XVII вв., когда действительность, по непосредственной связи с прошлым, содержала богатый конкретный материал для восприятия этого прошлого в живых осязаемых формах. Несомненно, шлем, меч, сабля, лук, стрелы, копьё и вся „збруя богатырская“ XI—XII вв. отличались от этих же предметов XVI—XVII вв., но они продолжали жить и функция их почти не изменилась.

Поэтому описание отъезда семи богатырей в „Сказании о киевских богатырях“ — реалистическая картинка снаряжения воина в соответствии с действительностью XVI—XVII вв. Не только указание на то, что „пряжи“ у богатырей „красного булату перепускнаго“ (как известно, были различные сорта булата: белый, синий, красный, „перепускной“, „коленчатый“ и т. д.), но и „черкасские седла“, „булатные палицы“ (булавы, буздуганы, шестоперы), „булатные копьё вострые“ характеризуют живые типичные детали и предметы.

Из разнообразных седел, известных по описям XVI—XVII вв. (крымских, арапских, бухарских, кизылбашских, турецких и т. д.), черкасские и русские представлялись наиболее удобными для воина в походе, и они были наиболее распространенными, типическими, а отнюдь не исключительными по богатству и роскоши отделки. Богатыми, роскошными чаще были другие седла: крымские, бухарские, турецкие, которые украшались серебряной и золотой чеканкой, отделявались бархатом, шелком, золотой вышивкой. Стремена, пряжи, гвозди у седел и на всем конском уборе делались серебряные, железные, покрывались позолотой. „Войлоки“, которые подкладывались под седла, обшивались атласом. Подпруги, узды, пахви (или похви) и другая конская „снасть“ были ремённые (сафьян, хоз) или из шелковой тесьмы, и также украшались серебряными с позолотой и медными с позолотой гвоздиками, перечен-

¹ Словарь Академии российской, ч. III. СПб., 1792, стр. 25; Словарь церк.-слав. и русского языка, ч. II. СПб., 1847, стр. 78.

ками, вышивались серебром и золотом. „Черкасское седло“¹, „крепкий доспех“, „булатная палица“ (ср. особую палицу у седьмого богатыря: „бѣлая палица красным золотом украшена, чечьим жемчугом унизана. Посреде то палицы камень самоцвѣтной пламень“², и палицы у цареградских богатырей: „а палицы у них вязовые, с конца в конец свинцу налиты, а Никиты палица вся золотая“³), „булатные копьа вострые“⁴ и „вся збуря богатырская“ — краткий перечень того, что было необходимо воину, отправлявшемуся в поход.

Из богатого и разнообразного по своим качествам и оттенкам арсенала воинского снаряжения XV—XVII вв. (и более ранней поры) в былинку включается то, что имеет непосредственное отношение к действию, двигает его, причем основой и принципом выбора является реальное изображение „факта“, „действия“. В „Сказании о киевских богатырях“ мы находим 4 вида различных палиц: „белая палица, украшенная золотом и драгоценными камнями“, представляет собой точное описание булавы (булава в более древнюю пору была оружием и только позднее стала знаком воинской власти и отличия), „золотая палица“ Никиты — также указывает на то, что он не „рядовой“ богатырь, а начальник — у всех остальных цареградских богатырей палицы вязовые, налитые свинцом, у киевских богатырей палицы — булатные. В былинах Сборника Кириши Данилова палицы упоминаются довольно часто (Волх Сеславьевич, Василий Буслаев, о женидьбе князя Владимира, Алеша Поповичь, Калин царь, Царь Саул Леванидовичь, Агафонушка, Илья ездил в Добрынею), но они не имеют таких реальных черт, какие имеются в „Сказании о киевских богатырях“. Например, Волх просит мать положить ему в колыбель „тяшку палицу свинцовую, а весом та палица триста пуд“ (стр. 19); у Екима Ивановича (Женидьба Князя Владимира) „палицы тяшкия а тяшкия медны литы, оне были в три тысячи пуд“ (стр. 39). Такая же палица („в три тысячи пуд“) у Ильи

¹ См., например, описание седел в различных перечнях имуществ XVI и XVII вв.: „Седло старой Крым, краски на лазори кайма на бели, писано золотом, на стелке бархат червчат с золотом; крыльца и вошвы шиты золотом и серебром по бархату по черному, а в середках врезано у крылец бархат червчат, по нем шито золотом и серебром; гвозди пупыши серебряны белы; снасть у него шолк червчат; наконешники серебряны, пряжи у снасти железные, стремена железные... войлоки ординские белы, пушены атласом алым, подложены крашениною лазоревою...“ или „Седло с приступом зделано креслами, обиты бархатом зеленым з бахрамоу шолковоу лазоревою, подпруги тесма шолковая, пряжи серебряныя...“ (П. И. Савваитов. Описание старинных русских утварей... СПб., 1896, стр. 141—142).

² П. К. Симоны, ук. соч., стр. 4.

³ Там же, стр. 11.

⁴ См., приведенное выше описание копьа или у П. И. Савваитова, например: „Копье черкасское булатно, тощое, наведено золотом, яблочко серебряно гладкое... Копье прорезное троегранное с яблоком, на яблоке голова зменная, трубка витая, мѣсты золочена“... (стр. 62).

(стр. 103), у Саула Леванидовича и т. д. Здесь уже элемент сказочности, гиперболизации, который мы найдем и в записях XIX—XX вв.: палица в 90, в 40 пуд и „стопудовая“, например: „брала она стрелочку каленую, палицу да во сорок пуд“ (Гильф, 114), „он берет себе коня да богатырсково, во других-то берет себе палицу стопудовую“ (Гильф., 131, 132 и т. д.). Прилагательные-определения к слову „палица“ в Сборнике Кириши Данилова: железная, свинцовая, медная, боевая, тяжкая; в сборнике Гильфердинга: булатная, боевая, военная. Несомненно, определения „боевая“, „военная“, „тяжкая“ — более поздние, заменившие собой старые конкретные определения.

Четыре текста XVII в., к тому же дефектные, безусловно не могут отражать во всей полноте былевую традицию XVII в., но они с достаточной яркостью обнаруживают стилистические принципы ее и, в частности, способ использования определения-эпитета.¹

Кроме былин, в записях XVII в. имеется 4 исторических песни: три в записной книжке Р. Джемса (о Скопине-Шуйском, о возвращении в Москву Филарета Никитича, о набеге Крымского хана) и о Григории Отрепьеве — в бумагах Калайдовича.²

Эти записи с еще большей силой обнаруживают иное употребление прилагательного-определения в XVII в., чем в более позднее время. Большую роль, несомненно, играет жанр произведения. В песне о Скопине-Шуйском мы находим только одно существительное с эпитетом: „Высоко сокол поднялся, и о сыру материю землю ушибся“ (причем это в индифференциальной фразе, объясняющей гибель Скопина — „высоко сокол под-

¹ В былинах, записанных в XVIII и XIX вв., изредка встречаются отголоски тех конкретных описаний, которые отражали действительность XV—XVII вв., например в былине „Царь Саул Леванидович“ седло изображено так:

... конохи приспешники,
оседлайте скоро мне добра коня
под то седельцо черкасское —
а в задней слуге и в передней слуге
по тирону по камению,
по дороге по самоцветному.

(К. Д., стр. 106).

И черкасское седельшко хорошенько,
Да которое седельшко было да изукрашено,
Дорогима-то щелками пообшивано,
Дай червоным золотом оббивано.

(Гильф., стр. 485).

Съехались на копья на вострыи,
Копья по яблокам срывалисе,
А друг друга они не ранили,
А съехались они на палицы,
Ай на палицы тыи военныи.

(Гильф., стр. 351).

² По свидетельству П. А. Бессонова, опубликовавшего ее, она относится к первой половине XVII в. На ней позднейшей рукой есть помета „въ 196-м году въ 7-и тысяче“ См. П. В. Киреевский. Песни, вып. 7, Приложения. М., 1868, стр. 62.

нялся“). В песне о возвращении Филарета Никитича — несколько постоянных эпитетов, но позднего происхождения или вошедших из книжной литературы: „ко сильному царству Московскому“, „из славного града каменной Москвы“, „чесных молебнов“, „чада милого“ и старый эпитет „красное солнце“. В исторической песне о набеге крымского хана постоянных эпитетов также мало: „сильное царство Московское“, „каменна Москва“, „белы шатры“, другие эпитеты к числу постоянных не относятся: „сильная туча“, „сильные громы“, „Рязань старая“, „со цела ума“, „свет добры дни — батюшка“, „не по знамени не по черному“.

В большой по объему песне (97 стихов) о Григории Отрепьеве почти совсем нет постоянных эпитетов. Можно назвать только „сабля вострая“, „громким голосом“, „саян красна золота“, „шуба соболиная“, „каменна Москва“, „проклята Литва“, „сильно царство Московское“, „чудны кресты“, „тестя любимого“, „велик тяжкий грех“, „дитя рожденое“, „глупые бояре неразумные“, „цари благоверные, благочестивые“, „спас милостивый“. Большая часть этих эпитетов имеет особый характер и входит в историческую песню потому, что тема развивается на противопоставлении „еретичества“ Отрепьева православному царству Московскому. Все другие прилагательные-определения выступают в качестве уточняющих, выделяющих предмет из ряда ему подобных, а в некоторых случаях образуют вместе с существительными новое понятие:

Варите вы *яству скоромную и посную,*
скоромную еству — гуси лебеди!
а посную еству — рыбу белую...¹
 и тут же бояра домышлялися,
 и думны дияки догадалися...²

Несомненно, 8 эпических произведений, сохранившихся в записях XVII в., не могут дать полной картины употребления прилагательных-определений в качестве эпитетов в устном эпосе этой эпохи, но вместе с дополнительным материалом XVII в. (лирические песни, заговоры, произведения, опирающиеся на устную традицию: Повесть о Горе злочасти и некоторые другие) они показывают эту картину в ее основных, характерных чертах: 1) почти все сочетания „постоянных эпитетов“ с существительными, которые мы находим в записях XVIII и позднее — XIX—XX вв., известны и в XVII в., но 2) степень постоянства и обязательность сочетания в XVII в. совершенно иная по отношению ко многим эпитетам, чем в поздние эпохи; 3) эпитеты сопровождают те существительные, которые служат раскрытию темы произведения, поэтому эпитеты несут большую тематическую нагрузку; 4) как эпитеты, так и другие прилагательные-определения (за немногими исключениями для эпитетов) указывают всегда конкретный, живой признак предмета.

¹ Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. 7, Приложения. М., 1868, стр. 64.

² Там же, стр. 64.

К сожалению, нельзя говорить об объеме эпитетов и определений, которые были наиболее употребительны в былинах и исторических песнях XVII в., так как мы располагаем единичными и в большинстве случаев дефектными записями XVII в. Записи исторических песен XVII в. отличаются от записей былин тем, что эпитету отводится в них ничтожное место. Это может служить показателем ощущения иного жанра, который отталкивается от былины в ее традиционной части.

Тексты исторических песен в Сборнике Кирши Данилова подтверждают это, так как целый ряд записей Сборника: „Ермак взял Сибирь“, „Поход селенгинских казаков“, „Борис Шереметев“ стоят в том же ряду. Близки к ним и некоторые другие исторические песни Сборника, например „Взятие Казанского царства“, „Гришка Растрига“. В исторических песнях другого типа, сложившегося на основе использования поэтики былин, эпитетам отводится значительное место, но они фиксируют признаки не только общие, а прежде всего характеризующие предметы и понятия в связи с темой.

6

Выше была показана количественная разница эпитетов в записях XVIII и XIX вв., но записи XVIII в. в свою очередь отличаются от записей XVII в. Надо сказать, что употребление эпитетов в былинах Сборника Кирши Данилова лучше, чем в других записях, подходит под характеристику их, данную в науке XIX в.

Постоянство эпитетов — наиболее характерный признак былин Сборника; количество прилагательных, которые могут сочетаться с тем или иным существительным, очень ограничено в нем (см. приведенные выше примеры). В Сборнике Кирши Данилова растет, по сравнению с текстами XVII в., количество украшающих эпитетов; все более крепким, постоянным становится сочетание прилагательного с существительным, и оно, в отличие от записей XVII в., неизбежно повторяется даже там, где по ходу действия в нем нет надобности. Записи Гильфердинга и Рыбникова, отстоящие не менее чем на 100 лет от записей в Сборнике Кирши Данилова, обнаруживают новую черту: наряду с традиционными эпитетами появляется огромное количество новых определений-прилагательных, которые употребляются по отношению к существительным, обозначающим бытовые, близкие сказителю предметы и понятия, явления природы и т. д. Вопрос об определении или употреблении постоянных эпитетов в русском эпосе значительно более сложен, чем это представлено в литературе: 1) выработка и отбор „постоянных“ эпитетов не принадлежат какой-то ограниченной и древней эпохе, они продолжают почти до наших дней, причем это — сложный процесс, так как отбору подвергаются и новые, более поздние эпитеты („каменна Москва“, „проклята Литва“, „палаты белокаменные“, „окошечко, околелка стекольчатые“) и т. п.; 2) постоянство может быть результатом не только отбора, но и естествен-

ной утраты различных определений, обозначающих признаки предмета, вышедшего из употребления и неизвестного сказителю; 3) целый ряд предметов и понятий в силу своей природы, отношения к сюжетам русского эпоса не может быть охарактеризован со стороны всех, присущих ему признаков, потому и характеризуется одним, двумя признаками.

Понятие постоянства должно быть расчленено, так как в русском устном эпосе оно выступает в различных видах: 1) в некоторых случаях прилагательное настолько слилось с определяемым существительным, что представляет с ним одно целое, хотя данное сочетание и не относится к числу тех, которые образуют новое понятие. Примерами подобных неразрывных сочетаний являются: „чисто поле“, „сине море“, „белы руки“, „лебедь белая“, „зелено вино“ и т. д., поэтому, когда сказитель XIX в. вводит новое определение, он сохраняет и старое, так получается: „славное синее море“, „море синее глубокое“, „синее солоное море“ и т. п.; 2) другой вид постоянства заключается в том, что существительное имеет несколько (2—3) определений, и они более или менее равномерно сочетаются с существительными (в зависимости от темы, школы, традиции), например, „добрый, дородный, удамый молодец“; 3) третий вид постоянства заключается в том, что традиционный постоянный эпитет уже не удовлетворяет, и рядом с ним появляется целый ряд новых, иногда стоящих рядом, иногда замещающих его. Таким образом, и в устном эпосе, несмотря на его традиционность, изменяется отношение к эпитету как поэтическому средству, а это — показатель изменений и движения самого жанра.